

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ/CRIMINAL LAW SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.165.14> EDN: QSPUNQРАЗБОЙ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ
КЛАССИФИКАЦИИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Научная статья

Бушуев И.В.^{1*}, Воронович Н.К.²¹ Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Российская Федерация² Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация² Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России, Донецк, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (bushuev.igor.2017[at]mail.ru)

Аннотация

В статье критически анализируется классификация разбоя как формы хищения в российском уголовном праве и сравнивается с правовыми системами зарубежных государств (Германия, Франция, США). На основе анализа эмпирических данных о разбойных нападениях в РФ, судебной практики и компаративного исследования выявлено, что разбой должен быть переклассифицирован. Различия в конструкции состава преступления являются принципиальными: если хищение требует противоправного изъятия имущества и причинения ущерба собственнику, то разбой в России конструируется как усеченный состав, оканчивающийся в момент нападения независимо от фактического завладения имуществом. В зарубежных системах разбой требует фактического завладения имуществом. Данное противоречие создает проблемы при применении принципа справедливости при назначении наказания и требует пересмотра классификации разбоя. Предложены рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства с учетом международного опыта.

Ключевые слова: разбой, хищение, состав преступления, материальный состав, усеченный состав, объективная сторона, справедливость наказания, компаративный анализ, зарубежное уголовное право, судебная практика.

**ROBBERY IN RUSSIAN AND FOREIGN CRIMINAL LAW: A COMPARATIVE ANALYSIS OF CLASSIFICATION
AND JUDICIAL PRACTICE**

Research article

Bushuev I.V.^{1*}, Voronovich N.K.²¹ Volgograd branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation² Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation² Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs, Donetsk, Russian Federation

* Corresponding author (bushuev.igor.2017[at]mail.ru)

Abstract

The article critically analyses the classification of robbery as a form of theft in Russian criminal law and compares it with the legal systems of foreign countries (Germany, France, the United States). Based on an analysis of empirical data on robberies in the Russian Federation, judicial practice and comparative research, it has been established that robbery should be reclassified. The differences in the structure of the offence are fundamental: while embezzlement requires the unlawful seizure of property and causing damage to the owner, robbery in Russia is constructed as a truncated offence, ending at the moment of the attack regardless of the actual seizure of property. In foreign systems, robbery requires the actual seizure of property. This contradiction creates problems in applying the principle of justice when imposing punishment and requires a review of the classification of robbery. Recommendations are suggested for improving criminal legislation, taking into account international experience.

Keywords: robbery, theft, elements of a crime, material elements, truncated elements, objective side, fairness of punishment, comparative analysis, foreign criminal law, judicial practice.

Введение

Проблема классификации разбоя в системе преступлений против собственности остается одной из наиболее дискуссионных в отечественной уголовно-правовой доктрине на протяжении многих десятилетий [1, С. 635–639], [2, С. 50–52]. Традиционно в российском уголовном законодательстве разбой включается в главу 21 Уголовного кодекса и рассматривается как одна из форм хищения чужого имущества [3, С. 219–226]. Однако, на наш взгляд, при глубоком анализе структуры состава преступления, предусмотренного статьей 162 УК РФ, выявляются существенные противоречия, которые ставят под сомнение обоснованность такой классификации и требуют переоценки традиционного подхода. Более того, обращение к опыту зарубежного уголовного законодательства демонстрирует, что в системах развитых стран разбой рассматривается как самостоятельное преступление, а не как форма хищения, и конструируется иначе, чем в российском праве [11, С. 156–178].

В настоящей работе использован сравнительно-правовой метод для выявления различий в конструкции составов разбоя в российском и зарубежном уголовном праве [12, С. 120–145], логико-юридический анализ диспозиций норм УК РФ и уголовных кодексов зарубежных стран [11, С. 95–130], метод толкования судебной практики Верховного Суда

РФ и судебных прецедентов, анализ эмпирических данных о разбойных нападениях [13], исторический метод и анализ доктринальных источников [2, С. 50–52].

Основные результаты

Из доктрины уголовного права нам известно, что для кражи, грабежа и других форм хищения (за исключением разбоя) моментом окончания является момент, когда виновный имеет реальную возможность пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению, поскольку именно в этот момент достигается необходимое последствие в виде причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества и состав преступления считается полным [8, С. 200–220]. В противном же случае состав хищения остается неполным, и деяние не может быть квалифицировано как оконченное хищение. В то же время разбой конструируется принципиально иначе. Согласно действующему законодательству и судебной практике, разбой считается оконченным не с момента фактического завладения имуществом, а с момента начала нападения, то есть конструируется как усеченный состав, в котором момент окончания преступления перенесен на более ранний этап совершения преступного поведения [4, С. 1–45], [6, С. 224–229]. Иными словами разбой существует как оконченное преступление в тех случаях, когда потерпевший успешно сопротивлялся нападению, скрыл имущество или преступник был прерван в своих действиях. А в таких ситуациях, на наш взгляд, классическое определение хищения не применимо, поскольку имущество не было ни изъято, ни присвоено, и следовательно, ущерба не причинено.

В контексте обсуждаемой проблемы особое значение приобретает точность употребления уголовно-правовой терминологии. В теории уголовного права различаются материальные, формальные и усеченные составы преступлений. Материальный состав предполагает обязательное наступление общественно опасных последствий как признак объективной стороны:

- формальный — считается оконченным с момента совершения деяния независимо от наступления последствий;
- усеченный — характеризуется переносом момента окончания преступления на более раннюю стадию, когда деяние еще не привело к тому результату, ради которого оно совершается.

Разбой в действующей редакции статьи 162 УК РФ относится именно к усеченным составам, поскольку момент окончания связывается не с изъятием имущества, а с фактом нападения, сопряженного с насилием или угрозой его применения. При этом цель хищения остается в субъективной стороне состава. Такая конструкция приводит к своеобразному «расщеплению» объективных и субъективных признаков хищения: имущественный результат предполагается намерением виновного, но не закрепляется как обязательное последствие. Такое обстоятельство и обуславливает теоретическую дискуссию о допустимости отнесения разбоя к формам хищения. Уточнение терминологической природы разбоя как усеченного состава позволяет более корректно обосновать вывод о необходимости его законодательной трансформации либо в материальный состав, либо в самостоятельное насильственное имущественное преступление с иной логикой систематизации.

Обращение к уголовному праву зарубежных государств демонстрирует, что конструкция разбоя в России принципиально отличается от того, как это преступление регламентируется в развитых странах мира [11, С. 156–200], [12, С. 50–52]. Более того, в большинстве зарубежных правовых систем разбой рассматривается как самостоятельное преступление, а не как форма хищения, и требует фактического завладения имуществом [11, С. 178–195].

В немецком уголовном праве разбой (Raub) регулируется §249 Уголовного кодекса и определяется как преступление, при котором лицо с применением насилия против другого человека или под угрозой причинения вреда жизни или здоровью изымает чужое движимое имущество с целью противоправного присвоения его себе или третьему лицу [11, С. 167–180]. Принципиально важным является то, что немецкое право требует фактического «Wegnahme» (изъятия) имущества для завершения состава разбоя. То есть разбой в Германии, несмотря на наличие элемента насилия, остается материальным составом преступления, а не усеченным. Разбой здесь так же рассматриваемся как преступление, посягающее одновременно на два объекта: собственность (как и все формы хищения) и личность (через применение насилия или угрозы) [11, С. 180–195]. Наказание за разбой в Германии составляет от одного года до пятнадцати лет лишения свободы. Квалифицированные виды разбоя, совершенные с применением оружия или создавшие опасность для жизни, наказываются минимум тремя годами. В то же время, если разбой повлек смерть потерпевшего, минимальное наказание составляет десять лет [11, С. 195–210].

Французское уголовное право подходит к проблеме классификации разбоя несколько иначе [12, С. 230–250]. Вместо терминологического разделения между простым воровством и разбоем, французский законодатель использует понятие «vol aggravé» (квалифицированная кража) – кража, совершенная при наличии обстоятельств, отягчающих ответственность. Наличие насилия (violences), применение оружия (arme), совершение в составе организованной группы (bande organisée) считаются отягчающими обстоятельствами, которые существенно увеличивают наказание [12, С. 235–245]. Система наказаний во Франции построена прогрессивно:

- кража с применением легкого насилия карается пятью-семью годами лишения свободы;
- кража с применением тяжелого насилия — до пятнадцати лет;
- кража с применением оружия — двадцать лет;
- кража, сопровождаемая или имевшая последствием смерть потерпевшего — тридцать лет [12, С. 240–250].

Такая система демонстрирует материальный подход, при котором система наказаний прямо коррелирует со степенью причиненного вреда и обстоятельствами совершения преступления.

Американское уголовное право классифицирует разбой по степеням тяжести (degree of robbery) [12, С. 150–170]. Разбой первой степени совершается, если преступник причинил или угрожал причинением серьезного телесного вреда. Разбой второй степени предполагает меньшую степень причинения вреда, третьей степени — применение минимального количества силы. Несмотря на различие в степенях, американское право последовательно требует

фактического завладения имуществом (taking) для признания преступления разбоем, а не простым нападением [12, С. 160–170].

Существенным аргументом в пользу самостоятельности разбоя выступает его явно выраженный двухобъектный характер [9, С. 5–9]. Именно поэтому во всех рассмотренных выше зарубежных системах разбой либо рассматривается как самостоятельное преступление против личности и имущества одновременно (как в Германии) [11, С. 180–210], либо классифицируется как квалифицированная форма кражи, наказываемая значительно более строго за счет наличия элемента насилия (как во Франции и США) [12, С. 230–250].

Статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации свидетельствуют о достаточно значительном распространении разбойных нападений в стране, хотя в последние годы наблюдается тенденция к их сокращению [13]. В 2024 году в России было зарегистрировано 2813 случаев разбоя, что на 16,3% меньше, чем в 2023 году. В первом полугодии 2025 года зарегистрировано 1,2 тысячи разбойных нападений, что представляет снижение на 13,2% в годовом исчислении [13].

География разбойных нападений показывает, что 974 разбоя совершены на улицах, площадях, в парках и скверах (снижение на 18,4%), что составляет значительную часть от общего числа. Особое значение имеет тот факт, что 13,8% разбойных нападений были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, что свидетельствует о высокой степени общественной опасности этого преступления [13].

Динамика раскрытия разбоев также демонстрирует серьезность проблемы: в 2024 году было раскрыто 2982 разбоя (снижение на 19,7% в годовом исчислении), что указывает на достаточно высокий процент раскрываемости, но также показывает значительное абсолютное число совершенных преступлений [13].

Помимо вышеизложенного, мы считаем, что конструкция разбоя как усеченного состава создает серьезные проблемы в применении принципа справедливости и дифференциации ответственности при назначении наказания, поскольку принцип справедливости в уголовном праве требует пропорциональности наказания тяжести совершенного преступления и степени вины преступника [8, С. 198–220]. Однако при нынешней конструкции разбоя возникает парадоксальное противоречие: лицо, которое совершило насильственное нападение и фактически похитило имущество (оконченное хищение), и лицо, которое совершило только покушение на похищение указанным способом (неоконченное хищение), подвергаются одинаковому наказанию на основании статьи 162 УК РФ, так как в обоих случаях состав разбоя считается полным и оконченным, что, на наш взгляд, противоречит основным принципам справедливости и дифференциации уголовной ответственности, которые требуют различного подхода к оконченным и неоконченным преступлениям [4, С. 1–45].

Судебная практика применения норм о разбое содержит показательные примеры, демонстрирующие остроту проблемы, обсуждаемой в настоящей статье. Как один из примеров можно привести дело о серийных разбойных нападениях на водителей в Челябинской области в 2006 году [10, С. 18–23]. Приговором Челябинского областного суда от 28 августа 2006 года несколько лиц были осуждены за совершение серии ограблений водителей автокранов. Согласно материалам дела, обвиняемые З. и А. признаны виновными в совершении разбойного нападения по пункту «б» части 3 статьи 161 УК РФ (грабеж, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия или предмета, используемого в качестве оружия). Допущено также оставление потерпевших в беспомощном состоянии. По материалам дела, после хищения автокранов потерпевших насильно поили спиртными напитками, избивали, а затем оставляли в безлюдных местах в условиях холода [10, С. 18–23].

В одном из дел, рассмотренных Верховным Судом, рассматривалось уголовное дело в отношении двух лиц, которые совершили нападение на 75-летнюю женщину с целью грабежа, применив насилие, опасное для жизни и здоровья [3, С. 219–226]. Это дело поднимает вопрос о квалификации: является ли данное деяние разбоем или грабежом, особенно в контексте того, было ли фактически похищено имущество. Существование таких спорных ситуаций подтверждает, что текущая система классификации разбоя как усеченного состава создает практические затруднения при квалификации [4, С. 1–45].

Обсуждение

Предложенная позиция, что разбой должен быть переклассифицирован как самостоятельное преступление, а не форма хищения, может встретить ряд возражений и научных дискуссий. Первое возражение опирается на исторический подход, утверждая, что разбой традиционно рассматривался как форма хищения в российском праве [2, С. 50–52]. Однако мы считаем, что исторический подход не может быть решающим, поскольку право должно развиваться по логике и справедливости, а не придерживаться устаревших классификаций. Хотя включение разбоя в главу 21 УК РФ исторически обусловлено, оно не логически обоснованно. Более того, тот факт, что в большинстве развитых стран мира разбой рассматривается иначе, демонстрирует, что историческая классификация не имеет универсального юридического обоснования [11, С. 156–200].

Второе возражение основано на объекте посягательства, утверждая, что собственность является объектом разбоя, доказывая его принадлежность к хищениям [5, С. 124–127]. Однако объект разбоя не единственный и основной — разбой двухобъектен [9, С. 5–9]. Собственность является объектом многих преступлений, не являющихся хищениями (уничтожение имущества, вымогательство), поэтому наличие собственности не делает преступление хищением. Классификация должна основываться на конструкции состава, а не только на объекте посягательства [8, С. 198–220].

Третье возражение утверждает, что цель хищения достаточна для классификации разбоя как хищения [3, С. 219–226]. Однако цель входит в субъективную сторону и не может быть определяющим критерием. Определение хищения требует деяния (изъятия) с результатом (ущербом), в то время как в разбое деяние — нападение с насилием, а не изъятие [6, С. 224–229].

В развитие высказанной позиции о необходимости переклассификации разбоя представляется необходимым конкретизировать, каким именно по своей юридической природе должен стать данный состав преступления. Речь не

идет о простом «выведении» разбоя из числа хищений без изменения его содержания. Предлагается рассматривать разбой как самостоятельное насильственное имущественное преступление сложного (двухобъектного) характера, посягающее одновременно на отношения собственности и на личную неприкосновенность, жизнь и здоровье человека. При такой конструкции в системе Особенной части УК РФ разбой логично было бы выделить в самостоятельную норму, расположенную на стыке преступлений против собственности и преступлений против личности, либо в отдельной подгруппе насильственных имущественных преступлений.

Содержательно возможны два концептуальных варианта законодательного решения. Первый — трансформация разбоя в материальный состав, при котором обязательным признаком объективной стороны будет являться фактическое изъятие и обращение имущества в пользу виновного или третьих лиц. В этом случае нападение с насилием выступает способом совершения хищения, а момент окончания переносится на достижение имущественного результата. Второй — сохранение самостоятельного характера разбоя как насильственного нападения с корыстной целью, но с дифференциацией ответственности в зависимости от наступления имущественного результата (оконченное завладение — квалифицированный состав; отсутствие фактического завладения — основной состав). Оба варианта позволяют устранить выявленное противоречие между целью хищения и отсутствием изъятия как обязательного признака хищения в его классическом понимании, а также обеспечить более последовательную реализацию принципа справедливости.

Заключение

Проведенный в статье анализ конструкции состава разбоя, сравнение с правовыми системами зарубежных государств, рассмотрение эмпирических данных и судебной практики убедительно свидетельствуют о том, что разбой не может быть должным образом классифицирован как форма хищения в том смысле, в котором это понимается в уголовном праве [1, С. 635–639], [2, С. 50–52], [11, С. 156–220]. Выявленные противоречия между теоретическими основами определения хищения и практической конструкцией разбоя имеют фундаментальный характер и требуют пересмотра классификации этого преступления [8, С. 198–220], [9, С. 5–9].

Основные выводы настоящего исследования сводятся к следующему.

Во-первых, хищение определяется как материальный состав преступления, требующий противоправного безвозмездного изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного с необходимым последствием в виде причинения ущерба собственнику, что в полной мере применимо ко всем формам хищения, кроме разбоя [5, С. 124–127], [8, С. 198–220]. Статистические данные о разбойных нападениях в Российской Федерации (2813 случаев в 2024 году) демонстрируют необходимость четкого понимания этого преступления [13].

Во-вторых, усеченный характер состава разбоя в России существенно отличает его от других форм хищений и свидетельствует о его особой конструкции. В то же время сравнение с немецким правом показывает, что даже при наличии элемента насилия разбой может быть сконструирован как материальный состав, требующий фактического завладения имуществом [6, С. 224–229].

В-третьих, в разбое хищение включено в субъективную сторону состава в качестве цели, а не в объективную сторону как деяние, что логически несовместимо с определением хищения как противоправного изъятия и обращения имущества в пользу виновного [8, С. 198–220], [9, С. 5–9].

В-четвертых, разбой посягает одновременно на отношения собственности и на отношения по охране жизни и здоровья, что существенно отличает его от других форм хищений и указывает на его комплексный характер как преступления [2, С. 50–52], [11, с. 180–210], что подтверждается и зарубежным опытом, где разбой рассматривается как преступление, защищающее и личность, и собственность одновременно [11, С. 156–220], [12, С. 200–250].

В-пятых, конструкция разбоя как усеченного состава создает нарушения принципа справедливости при назначении наказания, так как лица, совершившие окончательное хищение и покушение на хищение (при условии, что нападение имело место), подвергаются одинаковому наказанию [4, С. 1–45], [6, С. 224–229]. Судебная практика, включая дела об убийстве при разбое, о серийных нападениях и нападениях на пожилых людей, демонстрирует разнородность преступных поведений, требующую различной оценки [10, С. 18–23].

Для устранения выявленного противоречия и приведения системы уголовного права в соответствие с принципами логики и справедливости предлагается преобразование разбоя из усеченного формального состава в материальный состав или признание его самостоятельным преступлением [9, С. 5–9]. Рекомендуемая редакция диспозиции статьи 162 УК РФ может быть изложена следующим образом: «Разбой — хищение чужого имущества, совершенное путем нападения с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия». Мы считаем, что при таком подходе разбой будет признан окончательным не с момента нападения, а с момента фактического изъятия и обращения имущества в пользу виновного или других лиц, что полностью соответствует логике определения хищения и принципу справедливости при назначении наказания [8, С. 198–220]. Такая трансформация позволит устранить систематические противоречия в классификации разбоя в системе преступлений, привести в соответствие конструкцию его состава с определением хищения, обеспечить более последовательное применение принципов справедливости и справедливой дифференциации ответственности, а также гармонизировать российское уголовное право с подходами, используемыми в развитых правовых системах зарубежных государств [11, С. 156–220].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Панова Л.А. Разбой как форма хищения чужого имущества / Л.А. Панова // Аллея науки. — 2020. — Т. 2, № 12(51). — С. 635–639.
2. Серебренникова А.В. Преступления против собственности: реальность и перспективы / А.В. Серебренникова // DIZWW. — 2021. — № 4-2. — С. 50–52.
3. Скворцова О.В. Вопросы квалификации и разграничения разбоя со смежными составами преступлений / О.В. Скворцова, В.Р. Сильванович // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2021. — № 4. — С. 219–226.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. — 2003. — № 1.
5. Кочои С.М. Уголовно-правовое противодействие преступлениям против собственности : учебное пособие / С.М. Кочои. — Москва : Проспект, 2021. — 144 с. — ISBN 978-5-392-34655-4.
6. Ермакова О.В. Особенности усеченного состава преступления / О.В. Ермакова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2020. — Т. 6(72), № 2. — С. 224–229.
7. Кочои С.М. Преступления против собственности : учебное пособие для магистрантов / С.М. Кочои ; отв. ред. А. И. Рарог. — Москва : Проспект, 2014. — 81 с. — ISBN 978-5-392-13125-9.
8. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 564 с. — ISBN 978-5-534-18550-8.
9. Валеев М.Т. Стадии процесса пенализации общественно опасных деяний в действующем уголовном законодательстве РФ / М.Т. Валеев // Уголовная юстиция. — 2024. — № 23. — С. 5–9.
10. Краев Д.Ю. Некоторые вопросы квалификации убийств, сопряженных с разбоем / Д.Ю. Краев // КриминалистЪ. — 2011. — № 1(8). — С. 18–23.
11. Аистова Л.С. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л.С. Аистова, Д.Ю. Краев. — 2-е изд., перераб. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2020. — 132 с.
12. Малиновский А.А. Сравнительное уголовное право : учебник / А.А. Малиновский. — Москва : Юрлитинформ, 2014. — 592 с.
13. Информация о состоянии преступности в Российской Федерации : Официальные данные МВД России // МВД Медиа. — URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/informatsiya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii-za-yanvar-poyabr-2025-goda/> (дата обращения: 16.01.2026).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Panova L.A. Razboj kak forma hishcheniya chuzhogo imushchestva [Robbery as a form of theft of someone else's property] / L.A. Panova // Alleya nauki [Alley of Science]. — 2020. — Vol. 2, № 12(51). — P. 635–639. [in Russian]
2. Serebrennikova A.V. Prestupleniya protiv sobstvennosti: real'nost' i perspektivy [Crimes against property: reality and prospects] / A.V. Serebrennikova // DIZWW. — 2021. — № 4-2. — P. 50–52. [in Russian]
3. Skvortsova O.V. Voprosy kvalifikatsii i razgranicheniya razboya so smezhnymi sostavami prestuplenij [Issues of qualification and distinction of robbery with related crimes] / O.V. Skvozsova, V.R. Sil'vanovich // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences]. — 2021. — № 4. — P. 219–226. [in Russian]
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 dekabrya 2002 g. № 29 «O sudebnoj praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 "On judicial practice in cases of theft, robbery and mugging"] // Rossiyskaya Gazeta [Rossiyskaya Gazeta]. — 2003. — № 1. [in Russian]
5. Kochoi S.M. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie prestupleniyam protiv sobstvennosti [Criminal-legal counteraction to crimes against property] : a textbook / S.M. Kochoi. — Moscow : Prospect, 2021. — 144 p. — ISBN 978-5-392-34655-4. [in Russian]
6. Ermakova O.V. Osobennosti usechennogo sostava prestupleniya [Features of a truncated crime] / O.V. Ermakova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences]. — 2020. — Vol. 6(72), № 2. — P. 224–229. [in Russian]
7. Kochoi S.M. Prestupleniya protiv sobstvennosti [Crimes against property] : a textbook for graduate students / S.M. Kochoi; ed. A. I. Rarog. — Moscow : Prospect, 2014. — 81 p. — ISBN 978-5-392-13125-9. [in Russian]

8. Uголовное право. Osobennaya chast' [Criminal Law. Special Section] : textbook for universities / editors-in-chief A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. — 6th edition, revised and enlarged. — Moscow : Yurait Publishing House, 2025. — 564 p. — ISBN 978-5-534-18550-8. [in Russian]
9. Valeev M.T. Stadii processa penalizacii obshchestvenno opasnyh deyanij v dejstvuyushchem ugovnom zakonodatel'stve RF [Stages of the process of penalization of socially dangerous acts in the current criminal legislation of the Russian Federation] / M.T. Valeev // Uголовnaya yusticiya [Criminal Justice]. — 2024. — № 23. — P. 5–9. [in Russian]
10. Kraev D.Yu. Nekotorye voprosy kvalifikacii ubijstv, sopryazhennyh s razboem [Some issues of qualification of murders associated with robbery] / D.Yu. Kraev // Kriminalist' [Criminalist]. — 2011. — № 1(8). — P. 18–23. [in Russian]
11. Aistova L.S. Uголовное право zarubezhnyh stran [Criminal Law of Foreign Countries] : A Textbook] / L.S. Aistova, D.Yu. Kraev. — 2nd ed., revised. — St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2020. — 132 p. [in Russian]
12. Malinovsky A.A. Sravnitel'noe uголовное право [Comparative criminal law] : textbook / A.A. Malinovsky. — Moscow : Yurlitinform, 2014. — 592 p. [in Russian]
13. Informaciya o sostoyanii prestupnosti v Rossijskoj Federacii [Information on the state of crime in the Russian Federation] : Official data from the Ministry of Internal Affairs of Russia // MVD Media [Ministry of Internal Affairs Media]. — URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/informatsiya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii-za-yanvar-noyabr-2025-goda/> (accessed: 16.01.2026). [in Russian]